

УДК 332.12

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ И ОСОБЕННОСТИ ТРАЕКТОРИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ В РЕЗУЛЬТАТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Боровская Людмила Владимировна, канд. экон. наук, доц.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, 4, Симферополь, Республика Крым, Россия, 295007;
e-mail: vlinaumov@gmail.com

Цель: анализ особенностей формирования институциональной среды и выявление специфики траекторий социально-экономического развития Российской Федерации и Украины в условиях трансформационных процессов. *Обсуждение:* для анализа особенностей формирования институциональной среды были включены помимо экономических показателей такие показатели: индекс развития человеческого потенциала; индекс восприятия коррупции; индекс экономической свободы; ожидаемая продолжительность жизни населения; удельный вес населения старше 65 лет; уровень самоубийств населения; уровень грабежей населения. Для анализа социально-экономических трансформаций в результате перехода Республики Крым в состав Российской Федерации исследованы процессы, которые протекали ранее (1990-2015 гг.) и позволили сформировать существующую среду для социально-экономического развития государств. Установлено, что социально-экономические преобразования в государствах с командно-административной экономикой в результате прохождения первой точки бифуркации характеризуются весьма неоднозначными результатами. Абсолютным лидером как в сфере экономических показателей, так и индикаторов качества жизни населения является Эстония, недалеко от нее отстали и другие государства Балтии, значительно опережая по многим показателям остальные государства. *Результаты:* проведенный анализ показал, что сравнение базовых экономических показателей Российской Федерации и Украины показывает, что в обоих государствах сформировалась похожая экономическая модель, где основным сектором экономики является сфера услуг, а в целом она

может быть описана межсекторальной схемой «15-25-65». При этом социально-экономическое развитие Российской Федерации по сравнению с Украиной не только характеризуется более высокими значениями показателя ВВП на душу населения (по ППС) и индекса развития человеческого потенциала на конец анализируемого периода, но и лучшей динамикой в течение его.

Ключевые слова: точка бифуркации, институциональная среда, социально ориентированная смешанная экономика, индекс развития человеческого потенциала.

DOI:

Введение

Институциональные трансформации представляют собой институциональные изменения, связанные с процессами перехода национальной экономики от одного типа или подтипа экономической системы. В первом случае институциональные трансформации являются более глубокими и затрагивают изменения основных элементов экономической системы.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века постсоциалистические государства Европы и бывшие республики СССР с разной успешностью провели институциональные трансформации на пути перехода от командно-административной экономики к социально ориентированной смешанной экономике (европейского типа). В отдельных государствах сформировались особенные подтипы смешанной экономики, и поэтому имеют место или запланированы дальнейшие трансформации от одного подтипа смешанной экономики к другому.

В ходе исследования были использованы идеи и концептуальные подходы к формированию механизмов управления социально-экономическим развитием регионов, в том числе с учетом институциональных изменений, содержащихся в трудах Ю. Вертаковой, Е. Исаевой, М. Литовкина, В. Майоровой, Л. Никитиной, И. Рисина, М. Табачниковой, Ю. Трещевского, Г. Франовской [1, 2, 3, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14] и других исследователей.

Целью данной статьи является исследование особенностей траекторий социально-экономического развития Российской Федерации и Украины в результате трансформации экономической системы в ключе формирования институциональной среды.

Траектория социально-экономического развития России в постсоветском пространстве

При проведении исследования результатов прохождения первой точки бифуркации, когда и определился тренд на социально-экономические трансформации, связанные с переходом от командно-административной к социально ориентированной рыночной экономике, используется следующая методология.

1. Во многом логика проведения исследования напрямую связана с

методологическим аппаратом новой институциональной экономической теории. В частности, учитываются особенности институциональной среды, неформальных правил, национального менталитета, восприимчивости к коррупции и других факторов, которым традиционно уделяют огромное внимание неинституционалисты. Поэтому наряду с экономическими показателями в исследование включены и различные показатели институциональной среды и качества жизни, такие как:

- индекс развития человеческого потенциала;
- индекс восприятия коррупции;
- индекс экономической свободы;
- ожидаемая продолжительность жизни населения;
- удельный вес населения старше 65 лет;
- уровень самоубийств населения;
- уровень грабежей населения.

2. При этом исследование траекторий социально-экономического развития в результате принципиально схожих преобразований, имевших место в основном в первой половине 1990-х годов, позволяет оценить результативность последних. Однако для обеспечения большей объективности анализа в исследование включены поначалу все пятнадцать бывших республик СССР. Их можно определить в три условные группы в основном по географическому признаку: 1) государства Балтии: Латвия, Литва, Эстония; 2) государства Кавказского региона: Азербайджан, Армения, Грузия; 3) государства Восточной Европы: Беларусь, Молдова, Российская Федерация, Украина, а также Казахстан; 4) государства Центральной Азии (не включая Казахстан). Впоследствии исследование будет проводиться на основании статистических данных одиннадцати государств, входящих в первые три группы.

Принимая во внимание особенности национальной статистики и возможное методологическое расхождение национальных статистических стандартов, при исследовании использовались агрегированные статистические данные Мирового банка и глобального статистико-аналитического ресурса Theglobaleconomy.com. Выбранный временной период охватывает данные с 1992 года по 2017 год, однако в силу того, что отдельные показатели рассчитываются не так давно либо отсутствует информация по отдельным государствам, он может отличаться, однако при этом характеризует максимально возможный промежуток времени для проведения анализа.

Ученые, исследовавшие процессы трансформации командно-административной плановой к социально ориентированной смешанной экономике выделяют два взаимосвязанных этапа (стадии), которые проходит экономика в рамках ее: трансформационный спад и восстановительный рост [7, с. 367-369; 15, с. 54]. Трансформационный спад завершился во многих постсоциалистических странах во второй половине 90-х годов XX века [18, 17]. Восстановительный рост в Российской Федерации, на Украине и других

постсоветских государствах завершился осенью 2008 года в связи вступлением экономики данных государств в стадию экономического спада, совпавшего во временных рамках с мировым финансовым кризисом 2007-2009 гг. [4, с. 114-115].

В результате трансформационных процессов кардинально изменяются базовые «правила ведения игры», появляются новые нормы и процедуры, которых ранее не было, или которые пришли на смену старым. В новой институциональной теории содержится положение о существовании определенного дуализма в скорости изменений формальных и неформальных институтов. Если первые можно изменить достаточно быстро, то вторые являются достаточно устойчивыми во времени и изменяются достаточно медленно. Поэтому период трансформационных преобразований является достаточно длительным во времени и сопровождается ухудшением благосостояния населения, переделом собственности, разбалансированием государственных финансов, инфляционными процессами, увеличением государственного долга и другими негативными для социально-экономической системы явлениями [4, с. 117].

Восстановительный рост, так же как и трансформационный спад, может быть достаточно длительным во времени. Причем если экономика государства более всего подверглась негативному влиянию трансформационного спада, то на стадии восстановительного роста она может показывать самые высокие результаты. Вместе с тем само по себе завершение стадии восстановительного роста не является индикатором того, что трансформационные преобразования от командно-административной к социально ориентированной смешанной экономической системе завершены [4, с. 119].

Поэтому для анализа социально-экономических трансформаций в результате перехода Республики Крым в состав Российской Федерации необходимо изучить процессы, которые протекали ранее и позволили сформировать существующую среду для социально-экономического развития государств [5].

Исследуем двадцатипятилетнюю историю социально-экономических преобразований в постсоветских государствах сквозь призму изменения самого популярного и довольно объективного (в меру своей субъективности) показателя развития – индекса развития человеческого потенциала (HDI) – на основе данных отчетов.

Для расчета индекса человеческого потенциала используется значительная информация, с различных сторон характеризующая процесс его накопления в результате длительного образования и получения сравнительно высоких доходов в течение продолжительной жизни. Поэтому исследование и расчеты проводятся с опозданием в 2-3 года. Нами обобщены данные отчетов Программы развития ООН за 1992 (первый в истории подобный отчет по отдельным постсоветским государствам) и 2017 год об индексах развития человеческого капитала и ВВП на душу населения за 1990 и 2015

годы [8]. Данные годы выбраны по двум причинам. Во-первых, на момент проведения исследования это были, соответственно, первый и последний из опубликованных отчетов об индексах развития человеческого капитала. Во-вторых, в рамках рассматриваемого двадцатилетнего периода содержится период трансформационных преобразований, который включал сначала трансформационный спад, а после восстановительный рост. Поэтому можно сделать объективные выводы об успешности реформ в рамках переходного периода в различных государствах. Также следует отметить, что общая методика расчета индекса развития человеческого потенциала претерпела существенное реформирование в 2010 году, в результате чего рейтинговые значения практически всех государств снизились. При этом общие принципы и основные этапы его расчета остались практически неизменными, а значит, динамическое сравнение показателей может не вполне отвечать происшедшим изменениям качества и уровня жизни, однако однопериодное межстрановое сравнение является вполне корректным и объективным.

Далее непосредственно приступим к проведению исследования по постсоветским государствам, сравнив динамику индекса развития человеческого потенциала на протяжении последних двадцати пяти лет. Подробная информация приведена в таблице.

Таблица

Динамика индекса развития человеческого потенциала
в постсоветских государствах в 1990-2015 гг.

Государство	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Азербайджан	-	0,609	0,640	0,688	0,741	0,759
Армения	0,632	0,605	0,648	0,695	0,721	0,743
Беларусь	-	-	0,683	0,723	0,786	0,796
Грузия	-	-	0,672	0,711	0,735	0,769
Казахстан	0,690	0,664	0,679	0,746	0,766	0,794
Киргизстан	0,615	0,562	0,593	0,614	0,634	0,664
Латвия	0,692	0,670	0,727	0,806	0,811	0,830
Литва	0,730	0,701	0,754	0,806	0,827	0,848
Молдова	0,652	0,594	0,597	0,649	0,672	0,699
Российская Федерация	0,729	0,697	0,717	0,750	0,783	0,804
Узбекистан	-	-	0,594	0,625	0,655	0,701
Украина	0,705	0,662	0,668	0,713	0,732	0,743
Таджикистан	0,616	0,539	0,535	0,579	0,608	0,627
Туркменистан	-	-	-	0,663	0,666	0,691
Эстония	0,726	0,719	0,780	0,824	0,838	0,875

*Источник: составлено автором на основе данных [16].

На старте, в 1990 г., можно выделить три группы государств, попутно заметив, что ни одно из них не характеризуется очень высоким уровнем развития ($HDI > 0,8$):

1) Литва, Российская Федерация и Эстония, которые характеризовались достаточно близкими показателями, около 0,73, что на тот момент характеризовалось как высокий уровень;

2) Латвия, Украина, Грузия, Казахстан, Беларусь (по двум последним государствам данные за 2000 г.) имели показатели, близкие к 0,7, что является нижней границей высокого уровня;

3) Молдова, Армения, Азербайджан и четыре среднеазиатских государства имеют значения в интервале от 0,62 до 0,65, что является нижней частью среднего уровня.

В 1995 году индекс развития человеческого потенциала всех без исключения государств (по которым данный показатель был рассчитан в 1990 году) снизился, однако уже в 2000 году он в государствах Балтии и Армении превысил значения 1990 года. Впоследствии значения данного индекса только увеличивались во всех государствах.

После двадцатипятилетнего периода социально-экономических преобразований по состоянию на 2015 год появились государства с очень высоким уровнем HDI, в целом можно условно выделить уже четыре группы:

1) Эстония, Литва и Латвия (очень высокий уровень развития), Эстония занимает 30-е место в мире, более высокое, чем Венгрия и многие другие государства Центральной и Южной Европы;

2) Россия, Беларусь и Казахстан имеют значения индекса, близкие к 0,8, что является верхней границей высокого уровня;

3) Грузия, Азербайджан характеризуются показателями, близкими к 0,75, что является серединой высокого уровня, несколько ниже значение у Армении и Украины;

4) Молдова и Среднеазиатские государства характеризуются значениями ниже 0,7, что является верхней границей среднего уровня, причем явным аутсайдером является Таджикистан.

По результатам проведенного исследования можно сделать отдельные промежуточные выводы:

– явным лидером развития человеческого потенциала на основе показателя HDI является Эстония, которая, несмотря на относительно «высокий старт», весьма оторвалась от «конкурентов»;

– Латвия перешла из второй группы в первую, а Россия, наоборот, из первой во вторую;

– Беларусь и Казахстан остались в условной второй группе, совершив при этом достаточно большой рывок и догнав Россию, причем в последние годы значения HDI данных государств практически не отличаются;

– Азербайджан и Армения значительно оторвались от других государств из своей группы, которые перешли в условную четвертую группу;

– Грузия и Украина развивались практически идентично, несмотря на явные различия в факторах и условиях развития, а Азербайджан сумел их догнать, и с 2010 года значения HDI трех государств практически не отличаются;

– Таджикистан является единственным государством, у которого значения индекса практически не изменились за данный период.

Если же сравнивать данные по Российской Федерации и Украине, то можно отметить, что первоначальная разница в значениях коэффициентов была 0,24, а конечная 0,61. Это означает, что в рамках исследованного периода показатель индекса развития человеческого потенциала возрос сильнее, чем на Украине.

В дальнейшем при анализе трансформаций в постсоветских государствах будут использованы лишь данные по одиннадцати из них с учетом отсутствия достоверных статистических данных по большинству показателей Туркменистана и значительному отставанию трех остальных государств: Киргизстан, Таджикистан и Узбекистан. Кроме этого, все указанные государства в отличие от одиннадцати имеют черты классического развивающегося государства, характерного для макрорегионов Центральная Азия и Южная Азия.

Далее исследуем динамику важнейшего макроэкономического показателя, валового внутреннего продукта, рассчитанного по паритету покупательной способности на душу населения. Именно данный показатель позволяет объективно провести межстрановое сравнение уровня социально-экономического развития государств, а результаты проведенного сравнения отражены на рисунке.

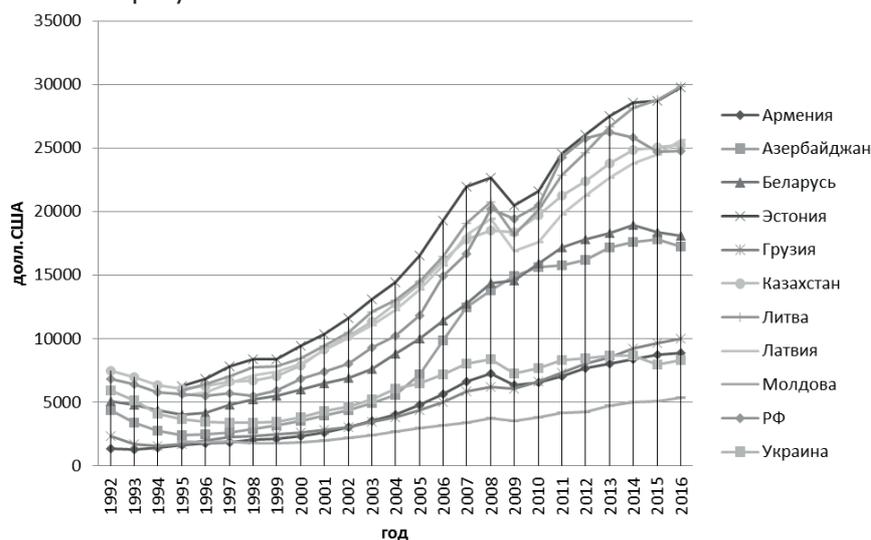

Рис. ВВП на душу населения (по ППС) в 1992-2016 гг.

Анализ данных рисунка показывает, что, несмотря на трансформационный спад первой половины 90-х годов, имеется долгосрочная тенденция к увеличению соответствующего показателя. Пик падения приходится на вторую половину 90-х годов, после чего наблюдается среднесрочная тенденция к увеличению ВВП на душу населения (по ППС) за исключением мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Можно выделить пять государств, в которых исследуемый показатель был выше и в начале 1990-х годов и на конец исследуемого периода: государства Балтии, Казахстан и Российская

Федерации. Однако разница между данными государствами и остальными достаточно существенно увеличилась. Также следует отметить, что из оставшихся государств условной второй группы наилучшую динамику показали Беларусь и Азербайджан, которые имеют средние показатели среди одиннадцати государств. Среди государств, показавших наихудшую динамику показателя ВВП на душу населения (по ППС), находится и Украина, причем она является единственным государством, для которого на протяжении исследуемого периода данный показатель снизился. Таким образом, если в начале периода проведения исследования ВВП на душу населения (по ППС) Российской Федерации превышал соответствующий показатель Украины в 2,2 раза, то к его концу разница составляла уже три раза.

Анализ данных удельного веса сектора услуг в структуре валовой добавленной стоимости позволяет утверждать, что сектор услуг является основой национальной экономики постсоветских государств, однако динамика добавленной стоимости, произведенной в нем, существенно отличается по ним. Так, к середине 1990-х годов явными лидерами были государства Балтии, причем среди всех отобранных государств лишь в Эстонии и Латвии данный показатель превышал 60%. Наиболее высокая динамика изменений характерна для Грузии, где по сравнению с началом 1990-х годов данный показатель возрос с 20% до 65%. Значительная положительная динамика также характерна и для Армении, однако по сравнению с Грузией данный показатель не достиг порогового значения 60%, который был преодолен большинством из постсоветских государств еще в середине 2000-х годов.

В целом на данный момент лишь в трех государствах – Азербайджане, Армении и Беларуси – удельный вес добавленной стоимости, произведенной в секторе услуг ниже 60%. Если же сравнивать динамику данного показателя в Российской Федерации и на Украине, то можно отметить существенную разницу на старте, когда соответствующий российский показатель превышал украинский на 20 п.п. и их выравнивание к 2005 году.

Далее исследуем динамику удельного веса промышленности в структуре валовой добавленной стоимости. Анализ динамики удельного веса промышленности в структуре валовой добавленной стоимости постсоветских государств позволяет утверждать, что лишь в Азербайджане он увеличился, причем резкий рост полностью совпадает с периодом относительно высоких цен на нефть. В остальных государствах данный показатель либо остался практически неизменным, либо снизился. Именно последняя тенденция и характерна как для Российской Федерации, так и для Украины. По данным за 2015 год, государства находятся в середине выборки, а удельный вес промышленности в обоих составляет около 25%. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что межсекторальная структура экономики (сельское хозяйство – промышленность – сфера услуг) и Российской Федерации и Украины в настоящий момент описывается условной формулой «15-25-65».

Далее перейдем к рассмотрению двух важнейших характеристик сформированной институциональной среды, оказывающих важнейшее воздействие на траекторию социально-экономического развития государства, а именно: уровень коррупции в государстве и степень экономической свободы. Многочисленные исследования, оценивающие влияние данных характеристик на формирование долгосрочных трендов социально-экономического развития, показывают, что его ключевая цель – высокий уровень жизни населения – находится в прямой зависимости от низкого уровня коррупции и высокого уровня экономических свобод. Поэтому в течение последних двух десятилетий данным характеристикам институциональной среды уделяется пристальное внимание исследований и широко применяются глобальные индексы, позволяющие их оценить: индекс восприятия коррупции и индекс экономической свободы.

Перейдем к исследованию динамики индекса восприятия коррупции в одиннадцати постсоветских государствах в 1995-2015 гг. (данный показатель начал рассчитываться только в середине 1990-х годов).

Анализ динамики данного индекса показывает, что имели место различные тенденции, характеризующие динамику индекса восприятия коррупции, в результате чего сформировалось две группы государств: 1) государства Балтии и Грузия; 2) остальные семь государств. Пример Грузии наглядно показывает, что действенная борьба с коррупцией может в сравнительно короткий промежуток времени значительно улучшить ситуацию. Абсолютным лидером по-прежнему является Эстония, значительно опережая другие государства. Также важно отметить, что в отличие от динамики индекса развития человеческого потенциала, который также является безразмерным и находится в строгих пределах, обусловленных методикой расчета, индекс восприятия коррупции в большинстве постсоветских государств практически не изменился и характеризуется значениями, порой значительно меньшими середины области допустимых значений. И для Российской Федерации и для Украины высокая коррупция, проявляющаяся в достаточно низких значениях индекса восприятия коррупции, является негативной характеристикой социально-экономического развития. И если, как показали результаты предыдущего анализа, российский ВВП на душу населения значительно вырос в условиях достаточно высокого уровня коррупции, то на Украине этого не произошло.

Анализ динамики показателя индекса экономической свободы позволяет сделать вывод о том, все постсоветские государства достаточно равномерно распределены в пределах значений от «50» до «75».

Вместе с тем имеет место явно выраженная тенденция к улучшению данного показателя во всех странах. Лидерами, как и в предыдущем случае, являются государства Балтии и Грузия, Украина отстает от других государств, имея самый низкий показатель, а Российская Федерация находится на предпоследнем месте по результатам отчета за 2017 год.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что уровень экономической свободы в Российской Федерации и на Украине является самым низким в указанной выборке государств, что также не способствует их социально-экономическому развитию.

В заключение исследования проанализируем группу качественных показателей, характеризующих продолжительность жизни, уровень преступности и т.п. Первым из них будет показатель продолжительности жизни при рождении.

Анализ динамики данного показателя дает возможность утверждать, что абсолютным лидером и по данному показателю снова, причем с большим преимуществом, является Эстония, где ожидаемая продолжительность жизни составляет около 78 лет. Российская Федерация и Украина имеют схожие показатели, несколько превышающие 72 года, и опять же находятся вместе с Молдовой внизу выборки. Также отчетливо видно, что начиная со второй половины 2000-х годов ожидаемая продолжительность жизни начинает увеличиваться во всех государствах, причем Казахстану, долгое время имеющему вместе с Российской Федерацией самые низкие значения данного показателя, удалось его существенно улучшить.

Еще одним важным демографическим показателем, предопределяющим последующие тенденции социально-экономического развития государства, является удельный вес населения старше 65 лет. С одной стороны, его увеличение отражает высокую продолжительность жизни населения (в случае, если это действительно так), а с другой, свидетельствует о нарастании демографических и социально-экономических проблем, связанных со старением населения.

Анализ данных демографических показателей позволяет утверждать, что в целом данный показатель имеет тенденцию к увеличению, хотя в выборке имеется два государства, где этого не происходит, и он является достаточно стабильным. Тот факт, что именно в Азербайджане и Казахстане абсолютно преобладает мусульманское население, и коэффициенты рождаемости традиционно в последние десятилетия превышают соответствующие показатели в остальных государствах выборки и объясняют данную особенность. Наивысшие значения снова приходятся на государства Балтии и превышают 18%. Украина занимает четвертое место и вместе с Российской Федерацией, а также Молдовой и Беларусью входит в условную вторую группу государств со значениями около 15%.

Последней при анализе результатов социально-экономических преобразований в постсоветских государствах будет использована группа из трех показателей, характеризующих степень удовлетворенности населения жизнью и уровень преступности. И первым из них будет уровень самоубийств на 100 000 населения.

Естественно, существуют различные причины, толкающие человека на самоубийство, однако данный показатель напрямую зависит от степени

удовлетворенности населения качеством жизни, причем не всегда повышение ВВП на душу населения способствует снижению данного показателя. В данном случае лидерами являются государства Кавказского региона, а аутсайдерами Литва и Казахстан. Российская Федерация и Украина находятся в середине выборки, причем в обоих государствах данный показатель имеет ярко выраженную тенденцию к снижению.

Следующим показателем является численность заключенных на 100 000 человек, показатель, сочетающий в себе оценку одновременно и уровня преступности и строгости действующего законодательства. Однозначно более высокий уровень жизни и безопасности населения государства характеризуется низкими значениями данного показателя.

Анализ данных по безопасности населения позволяет утверждать, что именно Российская Федерация является абсолютным лидером по данному показателю, а Украина также находится в лидерах антирейтинга. Значения показателя по Российской Федерации в 2013 году в полтора раза превышают соответствующие показатели Армении, Беларуси и Украины, которые находятся в выборке после нее. Лучшие значения показателя приходятся на Армению и Молдову. В целом имеет место определенная тенденция к снижению численности заключенных в государствах, представленных в выборке, однако она не является ярко выраженной и для определенных государств в определенные временные отрезки была разнонаправленной.

Заключительным показателем, подлежащим анализу в рамках первого пункта, является количество грабежей на 100 000 населения.

Как и предыдущие показатели, анализируемый позволяет оценить уровень безопасности граждан государства, вероятность лишения их собственности в результате насильственных действий. Как и ранее, данный показатель интерпретируется однозначно: чем ниже его значение, тем выше качество жизни населения. Лучше всего ситуация с грабежами обстоит в государствах Кавказского региона и Молдове, хуже в Казахстане, Литве и Российской Федерации. Вместе с тем имеет место ярко выраженная тенденция к улучшению данного показателя во всех государствах за исключением Казахстана.

Заключение

По результатам проведенного исследования результатов социально-экономических преобразований Российской Федерации и Украины в рамках прохождения первой точки бифуркации и их влияния на формирование посттрансформационной экономики можно сделать следующие выводы:

– социально-экономические преобразования в государствах с командно-административной экономикой в результате прохождения первой точки бифуркации характеризуются весьма неоднозначными результатами. Абсолютным лидером как в сфере экономических показателей, так и индикаторов качества жизни населения является Эстония, недалеко от нее

отстали и другие государства Балтии, значительно опережая по многим показателям остальные государства;

– сравнение базовых экономических показателей Российской Федерации и Украины показывает, что в обоих государствах сформировалась похожая экономическая модель, где основным сектором экономики является сфера услуг, а в целом она может быть описана межсекторальной схемой «15-25-65». При этом социально-экономическое развитие Российской Федерации по сравнению с Украиной не только характеризуется более высокими значениями показателя ВВП на душу населения (по ППС) и индекса развития человеческого потенциала на конец анализируемого периода, но и лучшей динамикой в течение его. Украина является единственным государством в выборке, где показатель ВВП на душу населения (по ППС) снизился в течение исследуемого периода;

– сравнительный анализ показателей качества и безопасности жизни населения Российской Федерации и Украины не позволяет дать однозначную оценку. Продолжительность жизни в обоих государствах практически одинакова, увеличилась в последнее десятилетие, однако является наименьшей среди государств выборки. Значения показателей безопасности жизни населения лучше у Украины и находятся в середине диапазона выборки по сравнению с соответствующими российскими данными, вместе с тем в последнее десятилетие они улучшаются у обоих государств;

– в целом результаты исследования прохождения Российской Федерацией и Украиной первой точки бифуркации не позволяют сделать однозначные положительные выводы, однако стоит заметить, что российские индекс развития человеческого потенциала и показатель валового внутреннего продукта на душу населения (по ППС) как важнейшие индикаторы социально-экономического развития характеризуются более высокими значениями.

Список источников

1. Tabachnikova M.B., Risin I.E., Treshchevsky Y.I., Franovskaya G.N. Public Authorities and Business on the Possibilities of Region's Development // *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*, Springer, 2017, pp. 55-62.

2. Tabachnikova M.B., Treshchevskiy Y.I., Plugatyreva A.A. Analysis of economic optimism and pessimism of institutional groups in the region // *RJOAS: Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*, SSUE 6(66), June 2017, pp. 175-184, Crossref. Доступно: <https://doi.org/10.18551/rjoas.2017-06.20> (дата обращения: 13.07.18).

3. Treshchevsky Y., Nikitina L., Litovkin M., Mayorova V. Results of Innovational Ac-

tivities of Russian Regions in View of the Types of Economic Culture // *Russia and the European Union Development and Perspectives Part of the series Contributions to Economics, Book*. Contributions to Economics, 2017, pp. 47-53.

4. Архитектоника финансового пространства и его интеграционные приоритеты: монография / под ред. С.В. Климчук. Симферополь, ДИАИПИ, 2013.

5. Боровская Л.В. Сущность и характеристика институциональных трансформаций и институциональных изменений // *Известия Юго-Западного университета*, 2017, т. 21, no. 5, с. 107-113.

6. Вертакова Ю.В., Плотников В.А. Теоретические аспекты учета динамических характеристик социально-

- экономических систем в управлении региональным развитием // *Известия Русского географического общества*, 2011, т. 143, no. 6, с. 42-50.
7. Гайдар Е.Т. *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории*. Москва, Дело, 2005.
8. Индекс развития человеческого потенциала. Официальный сайт Программы развития ООН. Доступно: <https://is.gd/КНЕНоУ> (дата обращения: 19.07.18).
9. Исаева Е.М., Никитина Л.М. Институциональная динамика региональных научно-образовательных систем // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 2013, no. 1, с. 63-71.
10. Исаева Е.М., Никитина Л.М., Трещевский Ю.И. Экономическая динамика институциональных подсистем регионов России // *Современная экономика: проблемы и решения*, 2013, no. 1 (37), с. 86-98.
11. Исаева Е.М., Никитина Л.М., Трещевский Ю.И. Динамика воспроизводимых факторов производства в регионах России – экономический и институциональный аспекты // *Регион: системы, экономика, управление*, 2013, no. 1 (20), с. 21-31.
12. Майорова В.В., Никитина Л.М., Трещевский Ю.И. Формирование стратегий на основе экономического анализа институциональных параметров регионов России // *Регион: системы, экономика, управление*, 2016, no. 3 (34), С. 21-29.
13. Майорова В.В., Никитина Л.М., Трещевский Ю.И. Экономический анализ институциональных параметров социально-экономических систем // *Экономический анализ: теория и практика*, 2015, no. 36 (435), с. 2-11.
14. Мясникова Т.А. *Стратегирование социально-экономического развития муниципальных образований в регионах России: теория, методология, методическое обеспечение: монография*. Воронеж, Научная книга, 2015.
15. Полтерович В.М. Трансформационный спад в России // *Экономика и мат. методы*, 1999, т. 32, no. 1, с. 54-69.
16. Программы развития ООН. Доступно: <http://www.un.org/ru/ga/undp/> (дата обращения: 19.07.18).
17. Сорос Дж. *Кризис мирового капитализма, открытое общество в опасности*. Москва, ИНФРА-М, 1999.
18. Тамбовцев В.Л. *Государство и переходная экономика: пределы управляемости*. Москва, Экономика, 1997.

FORMATION OF THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT AND FEATURES OF TRAJECTORIES OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND UKRAINE AS A RESULT OF TRANSFORMATION OF THE ECONOMIC SYSTEM

Borovskaya Lyudmila Vladimirovna, Cand. Sc. (Economic), Assoc. Prof.

Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Institute of Economic and Management, Department of Finance and Credit, Simferopol, Russia, 295007; e-mail: vlnaumov@gmail.com

Purpose: the article analyzes the peculiarities of the formation of the institutional environment and identifies the specific trajectories of the socioeconomic development of the Russian Federation and Ukraine under the conditions of transformation processes. *Discussion:* in order to analyze the specifics of the formation of the institutional environment, in addition to economic indicators, such indicators were included: the human development index; index of perception of corruption; index of economic freedom; expected life expectancy of the population; the proportion of the population over 65; the level of suicide of the population; level of looting of the population. For the analysis of social and economic transformations as a result of the transition of the Crimean Republic to the Russian Federation, the processes that took place earlier (1990-2015) and allowed to form an existing environment for the social and economic development of states were investigated. It is established that the socioeconomic transformations in the states with the command and administrative economy as a result of the passage of the first point of bifurcation are characterized by very mixed results. Absolute leader, both in the sphere of economic indicators and indicators of the quality of life of the population, is Estonia, not far behind it, and other Baltic states, far ahead of other countries in many respects. *Results:* the analysis showed that a comparison of the basic economic indicators of the Russian Federation and Ukraine shows that in both countries a similar economic model has formed, where the main sector of the economy is the service sector, and in general it can be described by the intersectoral scheme «15-25-65». At the same time, the socioeconomic development of the Russian Federation in comparison with Ukraine is not only characterized by higher values of the GDP per capita (PPP) index and the human development index at the end of the analyzed period, but also by the better dynamics during it.

Keywords: bifurcation point, institutional environment, socially-oriented mixed economy, human development index.

References

1. Tabachnikova M.B., Risin I.E., Treshchevsky Y.I., Franovskaya G.N. Public Authorities and Business on the Possibilities of Region's Development. *Overcoming Uncertainty of Institutional Environment as a Tool of Global Crisis Management*. Springer, 2017, pp. 55-62.
2. Tabachnikova M.B., Treshchevskiy Y.I., Plugatyreva A.A. Analysis of economic optimism and pessimism of institutional groups in the region. *RJOAS: Russian Journal of Agricultural and Socio-Economic Sciences*, SSUE 6(66), June 2017, pp. 175-184, Crossref. Available: <https://doi.org/10.18551/rjoas.2017-06.20> (accessed: 13.07.18).
3. Treshchevsky Y., Nikitina L., Litovkin M., Mayorova V. Results of Innovational Activities of Russian Regions in View of the Types of Economic Culture. *Russia and the European Union Development and Perspectives Part of the series Contributions to Economics*, Book. Contributions to Economics, 2017, pp. 47-53.
4. Architectonics of financial space and its integration priorities: monograph / ed. S.V. Klimchuk. Simferopol, DIAPI, 2013.
5. Borovskaya L.V. Essence and Characterization of Institutional Transformations and Institutional Changes. *News of Southwestern University*, 2017, Volume 21, no. 5, pp. 107-113.
6. Vertakova Y.V., Plotnikov V.A. Theoretical Aspects of Accounting for the Dynamic Characteristics of Socio-Economic Systems in the Management of Regional Development. *News of the Russian Geographical Society*, 2011, v. 143, no. 6, pp. 42-50.
7. Gaidar E.T. *For a long time. Russia in the world: essays on economic history*. Moscow, Delo, 2005.
8. Human Development Index. Official site of the UN Development Program. Available: <https://is.gd/KHEHoY> (accessed: 19.07.18).
9. Isaeva E.M., Nikitina L.M. Institutional dynamics of regional scientific and educational systems. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2013, no. 1, pp. 63-71.
10. Isaeva E.M., Nikitina L.M., Treshchevsky Yu.I. Economic dynamics of the institutional subsystems of the regions of Russia. *Modern Economy: Problems and Solutions*, 2013, no. 1 (37), pp. 86-98.
11. Isaeva E.M., Nikitina L.M., Treshchevsky Yu.I. The dynamics of reproducible factors of production in the regions of Russia - economic and institutional aspects. *Region: systems, economics, management*, 2013, no. 1 (20), pp. 21-31.
12. Mayorova V.V., Nikitina L.M., Treshchevsky Yu.I. Formation of strategies based on the economic analysis of the institutional parameters of the regions of Russia. *Region: Systems, Economics, Management*, 2016, no. 3 (34), pp. 21-29.
- 13.
14. Myasnikova T.A. *Strategizing the Socio-Economic Development of Municipal Units in the Regions of Russia: Theory, Methodology, Methodological Support*: monograph. Voronezh, Publishing and Printing Center «Scientific book», 2015.
15. Polterovich V.M. Transformational recession in Russia. *Economy and Mat. methods*, 1999, vol. 32, no. 1, pp. 54-69.
16. UN Development Program. Available at: <http://www.un.org/ru/ga/undp/> (accessed: 07/07/2018).
17. Soros J. *Crisis of world capitalism, open society in danger*. Moscow, INFRA-M, 1999.
18. Tambovtsev V.L. *State and Transition Economy: Limits of Control*. Moscow, Economics, 1997.